

К-29
АКАДЕМИИ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Для служебного пользования

экз. №

000018

На правах рукописи

УДК 323.1/581/

КАТКОВ Игорь Евгеньевич

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ АФГАНИСТАНА И ПУШТУНСКИЕ ПЛЕМЕНА
/проблемы взаимоотношений/

Специальность - 07.00.04 - история коммунистического
и рабочего движения и национально-освободительных
движений

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Уч. № 223 ДСМ
24.07.87г.

Москва 1987

Работа выполнена в Ордена Трудового Красного Знамени

Институте востоковедения АН СССР

Научный руководитель - кандидат исторических наук

В.Н.Пластун

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук КЛЮЕВ Б.И.

кандидат исторических наук ЗАЙЦЕВ В.Н.

Ведущая организация - Институт этнографии АН СССР

Защита состоится "12" октября 1987 г. в _____ часов

на заседании Специализированного совета

по историческим наукам при Институте востоковедения АН СССР

/103777, Москва, ул.Жданова, д.12/

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке

Института востоковедения АН СССР

Автореферат разослан "27" июля 1987 г.

Ученый секретарь

Специализированного совета,

кандидат исторических наук

Б.Г. СЕИРАНЯН

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Апрельская революция 1978 года в Афганистане была качественным скачком в длительном эволюционном процессе развития афганского общества. Изменение качественной природы государственности, произошедшее в результате прихода к власти организации левых национально-демократических сил - Народно-демократической партии Афганистана /НДПА/, положило начало трансформационным процессам, затронувшим в той или иной мере практически все социальные структуры и институты, сформировавшиеся к этому времени в стране.

Начавшийся в декабре 1979 года второй этап революции не только внес качественное своеобразие в развитие ситуации внутри страны, но в условиях, когда главным противоречием эпохи являются отношения между двумя социально-экономическими системами - капитализмом и социализмом, привел к возникновению афганской проблемы, которая переросла рамки одной страны и региона. Афганская проблема оказалась в центре международной политической и идеологической борьбы, в которой находят свое отражение американская доктрина неоглобализма /включающая жесткое силовое противоборство с социализмом и национальными революционно-демократическими движениями на глобальном и региональном уровнях/, а также явления, связанные с новым для современных международных отношений феноменом - "ренессансом ислама"- концепции исламской революции иранского лидера Хомейни и "исламского порядка" пакистанского диктатора Зия-уль-Хака.

Советский Союз неоднократно заявлял о готовности и твердом намерении добиваться политического урегулирования ситуации в Афганистане и вокруг него при условии прекращения иностранного вмешательства в дела этой суверенной страны.¹

Правительство ДРА также стремится к стабилизации обстановки в стране и регионе, что находит свое выражение как во внутренней политике афганского руководства, так и в его внешнеполитических акциях, направленных на обеспечение условий для развития революционно-демократического процесса в Афганистане.

Однако урегулированию афганской проблемы препятствует целый ряд факторов как международного порядка /рассмотрение ко-

¹Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат.- 1981.-С.13; Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат.- 1986.-С. 69; Горбачев М.С. Перестройка неотложна, она касается всех и во всем.// Материалы о поездке М.С. Горбачева на Дальний Восток, 25-31 июля 1986 г. М.: Политиздат.- 1986.- С.31-32.

торых выходит за рамки настоящего исследования/, так и касающихся внутривластной обстановки в ДРА. В числе последних весьма важное место занимают вопросы, относящиеся к взаимоотношениям центральной власти в Афганистане и пуштунских племен.

Таким образом, актуальность изучения проблем взаимоотношений между центральной властью и пуштунскими племенами определяется, в первую очередь, их диалектической взаимосвязью с проблемами международными, их превращением в один из важных компонентов урегулирования ситуации в Афганистане. Актуальность работы определяется также тем, что в ней проведено исследование весьма важной и актуальной проблемы синтеза традиционного и современного в процессе социально-политического развития афганского общества.

Предметом исследования являются традиционная родо-племенная организация пуштунов, ее функционирование как социально-политической системы с особыми внутренними и внешними связями; выявление сущности, форм и особенностей взаимоотношений афганского государства и племенной организации пуштунов в их диалектической связи - как реализованной, так и возможной в условиях развития революционно-демократического процесса в Афганистане.

Цель исследования - раскрыть закономерности поведенческой ориентации племенной организации пуштунов в современных политических и социально-экономических условиях; определить оптимальный государственно ориентированный подход к пуштунским племенам с точки зрения содействия стабилизации внутривластной обстановки в Афганистане и урегулирования афганской проблемы. Особое внимание уделяется анализу взаимоотношений афганского государства, возникшего в результате Апрельской революции и племенной организации пуштунов на первом этапе этой революции. Такой подход представляется правомочным, поскольку именно на этом этапе сформировались качественно новые тенденции в рассматриваемых взаимоотношениях, которые в значительной степени оказывают воздействие на внутривластную обстановку в ДРА вплоть до настоящего времени.

Автор намеренно ограничил хронологические рамки исследования периодом, предшествующим вводу ограниченного контингента советских войск в ДРА, поскольку его присутствие в Афганистане привело к существенной перестройке контрсиловых взаимоотношений

внутри страны в целом и, в частности - опосредствованию прямых связей между двумя рассматриваемыми нами "центрами силы" - афганским государством и пуштунскими племенами - активным влиянием третьего "силового центра". Анализ ситуации при такой качественно новой расстановке сил в стране привел бы к значительному расширению пределов темы настоящего исследования и потребовал бы привлечения значительного дополнительного материала, закрытого в настоящее время.

Новизна исследования состоит в том, что автором впервые на диссертационном уровне предпринята попытка комплексного изучения взаимоотношений пуштунских племен с центральной властью Афганистана, систематизированы компоненты социально-политической регуляции и религиозной организации племенной структуры пуштунов, выработана ее функциональная модель, выделены три основных типа этой структуры, для которых характерны различные уровни и формы взаимоотношений с центральной властью.

Практическая значимость работы. Проведенное исследование дает возможность определить вероятные направления политизации пуштунских племен. Поддержка революции или, по крайней мере, нейтральное отношение пуштунских племен к центральной власти в ДРА могут сыграть значительную роль как для обеспечения поступательного развития афганского общества, так и в контексте прекращения советского военного присутствия в стране. Выработаны конкретные предложения и рекомендации относительно оптимальной государственно ориентированной тактики, имеющей целью стабилизацию внутривластной обстановки в Афганистане и вокруг него на основе нейтрализации антиправительственной деятельности пуштунских племен.

Методологической основой исследования являются труды основоположников марксизма-ленинизма о государстве, о социально-экономических формациях и докапиталистических общественных отношениях, о революции. Ориентиром, определившим подход автора к изучаемой проблеме, послужили материалы XXVII съезда КПСС и выступления Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, в особенности, касающиеся ситуации в Афганистане.

Источники и литература. Главными источниками для диссертации послужили документы Народно-демократической партии Афганистана и афганского правительства после апреля 1978 г. Авто-

ром были проанализированы выступления и официальные заявления, отражающие эволюцию оценки афганскими лидерами внутривосточной ситуации в ДРА в связи с качественными изменениями в динамике ее развития. Анализ этих источников позволил выявить устремления афганского руководства в отношении пуштунских племен. Были изучены официальные правительственные публикации /такие, как ежегодники "Демократическая республика Афганистан" за 1979-1986 годы/, а также официальные публикации ДРА о пуштунских племенах и социально-политической обстановке в полосе племен.

Автором были учтены и критически использованы исследования советских и зарубежных /прежде всего, афганских/ специалистов, непосредственно касающиеся темы диссертации. К ним относятся исследования И.М. Рейснера, М.Г. Асланова, В.А. Ромодина, Ю.В. Ганковского, Г.Ф. Гирса, Л.Р. Гордон-Полонской, А.Д. Давыдова, В.Г. Коргуна, В.Н. Зайцева, Л. Темирханова, содержащие богатый фактический материал о взаимоотношениях между государством и пуштунскими племенами на различных этапах новой и новейшей истории Афганистана, а также в предреволюционный период и раскрывающие особенности социальной и экономической структуры пуштунских племен и ее эволюции в XVIII-XX вв.¹

Значительную помощь оказали автору коллективные исследования Института востоковедения АН СССР и Института этнографии АН СССР, в особенности монография "Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного", изданная в 1984 году.

¹ См.: Рейснер И.М. Возникновение и распад Дурранийской державы. // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М.: Изд-во МГУ, 1951; Рейснер И.М. Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1954; Асланов М.Г. Народное движение рошани и его отражение в афганской литературе XVI-XVII вв. // Советское востоковедение, 1955, №5; Ромодин В.А. Очерки по истории и истории культуры Афганистана /середина XIX-первая треть XX вв./ М.: Наука, 1983; Ромодин В.А. Социально-экономический строй юсуфзайских племен в первой половине XIX в. // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М.: Изд-во МГУ, 1951; Ганковский Ю.В. Империя Дуррани /очерки административной и военной системы/. М.: Восточная литература, 1958; Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967; Гирс Г.Ф. Традиции исторической песни в художественной словесности пуштунов. // Исторические песни пуштунов. М.: Наука, 1984; Гордон-Полонская Л.Р. Борьба Афганистана против английской агрессии в конце XIX века. // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М.: Изд-во МГУ, 1954; Давыдов А.Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1979;

Весьма полезными для выявления специфических особенностей племенной организации пуштунов, ее нормативных и социально-политических характеристик, исторически сложившихся тенденций во взаимоотношениях племен пуштунов и государства оказались работы афганских авторов. К ним, в первую очередь, следует отнести "Словарь терминологии пуштунского племенного традиционного права и норм поведения" М.И. Атаи¹ и "Пуштунвалай" К. Хадьма². Эти работы важны с точки зрения самооценки пуштунами места и роли традиций в племенной организации. Вместе с тем, им присуще смешение социально-нормативных понятий и терминов, особенно при определении степени значимости той или иной нормы в иерархии ценностей, места религиозных и этнических традиций и реального влияния моральных факторов в системе социальной регуляции пуштунских племен.

Полезными для диссертанта были и исторические исследования афганских авторов. Из них необходимо отметить, прежде всего, А. Бенава, "Пуштунистан"; М.Г.М. Губар, "Афганистан на пути истории"; С.Б. Зафархейль, "Пуштуны с точки зрения истории", несмотря на присущий им, в определенной степени, субъективизм в оценке событий и излишнюю детализацию исторического описания.

Автор использовал и такие афганские работы, как: "Пуштунские кочевники", ред. Н.М. Табеш³; "Афганистан: страна джирг", А. Садаат⁴; "Родина джирг", М.И. Атаи⁵, - которые позволяют изучить поли-

/продолжение сноски со с. 4 /
Коргун В.Г. Афганистан в 20-30-е годы XX в. /страницы политической истории/. М.: Наука, 1979; Коргуна В.Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М.: Наука, 1983; Зайцев В.Н. Внутривосточное развитие Афганистана в 1919-1928 годы. Дисс. канд. ист. наук. М., 1970; Темирханов Л. Восточные пуштуны в новое время /этносоциальная характеристика/. М.: Наука, 1984; Темирханов Л. Восточные пуштуны /основные проблемы новой истории/. М.: Наука, 1987.

¹ Atayee M.I. A Dictionary of Terminology of Pashtun's Tribal Customary Law and Usages. Kabul, 1979.

² Хадьма К. Пуштунвалай. Кабул, 1331.

³ Табеш Н.М. Паштаны кучиан. Ток 2. Кабул, 1982.

⁴ Садаат А. Афганистан: ды джирго хивад. Кабул, 1365.

⁵ Атаи М.И. Ды джирго ватан. Кабул, 1982.

тику правительства ДРА по отношению к пуштунским племенам.

Автором использованы также материалы, собранные во время его пребывания в Афганистане.

Среди исследований западных специалистов следует отметить работы В. Грегориана и В.К. Фрейзер-Тайтлера, в которых сделана попытка объективно оценить исторические события в Афганистане. Тенденциозный характер имеет работа Л. Дюпре "Афганистан", хотя она и богата фактами. Значительную ценность для диссертанта представили исследование Ч. Линдхолма "Щедрость и ревность: сватские пуштуны северного Пакистана" /в которой обобщен и систематизирован материал об основных чертах социальной регуляции пуштунских племен/¹ и работы С. Харрисона, автор которых показывает глубокое знание проблем политической ситуации в регионе.²

К сожалению, большинство иностранных исследований - американских, английских, индийских и пакистанских - не свободно от явной или скрытой тенденциозности в подборе фактов и оценке исследуемых событий.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании сектора Афганистана Отдела Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения АН СССР. Основные положения диссертации изложены автором на двух конференциях, проходивших в Отделе БСВ ИВ АН СССР в 1985, 1986 г.г., на заседаниях компетентных подразделений в/ч 64510 и используются в практической работе.

Структура работы. Структура диссертации определяется задачами и характером исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии использованных источников и литературы и приложения.

¹ Lindholm Ch. Generosity and Jealousy / The Swat Pukhtun of Northern Pakistan /.- N.Y., 1982.-321 p.

² Harrison S.S. In Afghanistan's Shadow: Baluch Nationalism and Soviet Temptation.- Washington, 1981; Harrison S.S. Breakthrough in Afghanistan.- Foreign Policy, N51, Summer 1983; Harrison S.S. Cut a Regional Deal.- Foreign Policy, N62, Spring 1986.

II. СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении дана характеристика темы исследования, обоснована его актуальность, политическая, научная и практическая значимость, определены конкретные цели и задачи работы, степень ее новизны и методологическая основа. Проведен анализ использованных источников и литературы.

В первой главе "Особенности взаимоотношений пуштунских племен и центральной власти до Апрельской революции 1978 года в Афганистане" дана периодизация исследования и проведен анализ исторических событий, определивших специфику взаимоотношений племенной и государственной структур.

Изучены также основные особенности политического самопроявления племен пуштунов в национально-освободительной борьбе против британских колонизаторов, а после 1947 года - властей Пакистана.

Анализ взаимоотношений центральной власти Афганистана и пуштунской племенной организации в ходе исторического развития афганского общества дает возможность сделать некоторые общие выводы и определить наиболее устойчивые тенденции, отражающие как сущность племенной структуры, так и ее связей со структурой государственной.

I. Родо-племенная структура пуштунов подверглась в процессе социально-политического развития значительным деструктивным воздействиям внутреннего и внешнего - главным образом - порядка. Последние усиливались по мере укрепления собственной - афганской - государственности и активизации межгосударственной политической деятельности в регионе. В результате произошла определенная, а в некоторых районах традиционного расселения пуштунов - довольно значительная детрибализация племенной организации.

2. Разложение пуштунской племенной организации происходило по следующим основным направлениям:

- интеграция верхушки племен - ханов и маликов - в государственную структуру, сопровождавшаяся утратой ими существенных связей с соплеменниками при одновременном укреплении их позиций в сфере непосредственного проявления центральной власти. Нередко это приводило к полному разрыву ханов и маликов с племенной организацией, но большинство племенных авторитетов этого рода заняли положение промежуточное между племенем и госу-

дарством, превратившись в ключевые фигуры на этой линии связи;

- появление и расширение слоя детрибализированных пуштунов - выходцев из рядовых представителей племен, включившихся в государственную политическую, экономическую и военную деятельность. Эти элементы составили значительную часть политизированных социальных активистов правого и левого толка, представителей армейских кругов низшего и среднего звена, мелких, реже - средних буржуа, которые сохранили с пуштунской племенной организацией связи преимущественно морально-психологического порядка;

- разделение мусульманских богословов на два основных слоя: огосударственных религиозных деятелей и мулл племен. При этом своеобразии исторического развития афганского общества ограничилось влияние первых контролем со стороны государства, а других - авторитетом верхушки племен и джирги. В целом же идеологическое и политическое воздействие мусульманских богословов и в афганском государстве, и в пуштунских племенах сохранилось на высоком уровне.

3. Несмотря на все более активизировавшиеся процессы разложения пуштунской родо-племенной организации, она осталась все же достаточно целостной для ее научного и практического изучения, своеобразной системой, сохранившей традиционные формы социально-политической регуляции, территориальность и потенцию к военному проявлению.

4. Представляется, что уже в конце XIX века можно говорить о трех основных политизирующих родо-племенную организацию пуштунов факторах: традициях, религии ислам и осознании принадлежности к общему для всех пуштунов государству - Афганистану.

Во второй главе "Модель социально-политической и религиозной организации родо-племенной структуры пуштунов" определены сущность, корни и место традиций в жизни пуштунов, соотношение религиозных и этнических элементов в социальной структуре племен, рассмотрена их общественно-нормативная регуляция, дано определение пуштунского племени. Изучены социально-политические аспекты взаимоотношений племенной и государственной структур на уровне моделирования, исследованы особенности организации пуштунов-кочевников.

Проведенное исследование позволяет заключить следующее:

1. Традиции пуштунской родо-племенной организации устойчи-

вы, регулярны, коренятся в существенно мало изменившемся материальном, социальном и политическом порядке ее существования и составляют неразделимую в их понимании духовно-материальную сферу жизнепроявления племенных пуштунов, в значительной степени определяют их мировоззрение. При этом в реальном сочетании ислам не достиг доминирующего положения над собственно этническими традициями пуштунов, концентрированно выраженными в их исторически сложившемся обычном праве - кодексе чести /Пуштунвалай/, предписывающем определенные формы поведения, морали, этические и правовые нормы, способы и направления политизации и военного проявления представителям племенной организации.

Возможность преобразования материальной и социальной основ функционирования родо-племенной организации пуштунов связана в сознании ее представителей с проявлением внешних сил - в первую очередь, государства, - по отношению к которым вся организация в целом занимает конфронтационные позиции, защищая традиционные формы социально-политической регуляции как основу для собственного самовоспроизводства.

2. Пуштунское племя как таковое представляет локальную самообеспечивающуюся ассоциацию родов /кланов/ - объединений с определенными политическими целями, актуальными для составляющих их семей, - основанную на общности происхождения от единого предка по отцовской линии, компоненты которой совместно стремятся к поддержанию внутреннего взаимного равновесия на основе специфического механизма социальной регуляции, определяемого традициями /адатом/ и концентрированно выраженном в Пуштунвалай, а также на совместной защите от влияния /вмешательства/ извне. Племя имеет достаточно сильно выраженный признак территориальности: район проживания племени ограничен относительно и является частью региона традиционного проживания пуштунских племен, обладающего значительной автономией от центральной /государственной/ власти и, таким образом, являющего собой ареал и базу пуштунской традиционности. По границам этого ареала проходит основная в Афганистане и Пакистане линия размежевания и соприкосновения старого и нового, традиционного и современного.

3. В пуштунской родо-племенной организации существуют три "центра власти": верхушка племен /ханы и малики/, джирга /собрание глав семей, кланов; иногда всех соплеменников/ и мусуль-

манские богословы. Поэтому, ставя перед собой задачу эффективного влияния на пуштунские племена без существенного изменения их социально-политической структуры, необходимо уделять перво-степенное внимание воздействию именно на эти ее силовые компоненты.

Когда правительство стремится к установлению контроля над племенем в границах государства, это может вызвать или подчинение или сопротивление со стороны последнего в зависимости от конкретного соотношения сил.

Добровольное подчинение племени, как правило, непременно обусловлено определенными уступками со стороны центральной власти: сохранением традиционного механизма социальной регуляции и форм жизнепроявления племенной организации пуштунов, распространением центрального управления на племя через посредничество ханов и маликов и связанных с ними мулл или установлением контактов с джиргами племен.

Если же государство намерено добиваться безусловного подчинения племени с использованием радикальных, в том числе военных мер, ориентированных на уничтожение племенной структуры как таковой, то в настоящее время это неизбежно вызовет сопротивление со стороны племени, которое может принять несколько форм.

Племена могут объединиться для организации вооруженного сопротивления. Другой формой сопротивления может быть стремление избежать всякого контакта с центральной властью, проявить своего рода эскапизм, отказываясь, например, от признания любого лидера - и своего собственного, и выступающего от имени государства - и придерживаясь тактики организационного рассредоточения: "разделись, чтобы тобой не властвовали!".

Тактика племен может меняться в разные периоды от одной формы к другой: от принятия непрямого контроля к вооруженному сопротивлению и эскапизму - в зависимости от вариаций возможностей и амбиций как правительства, так и лидеров глав племен. Обычно племена используют все возможные формы отношений с центральной властью в противовес ее агрессивной политике с целью сохранения независимости и традиционной системы социальной регуляции.

В третьей главе выделены три основных типа социально-по-

литической организации племенной структуры пуштунов с характерными для них механизмами саморегуляции и различными уровнями и формами взаимоотношений с центральной властью, определены возможные направления политизации пуштунских племен. Проанализированы особенности государственно-политической деятельности детрибализированных пуштунов в отношении племен в специфических условиях развертывания революционно-демократического процесса в ДРА, сделаны выводы относительно путей рационального использования опыта первого этапа Апрельской революции в области государственно-племенных отношений, в частности - с использованием трех "центров власти" в племенах /верхушка племен, т.е. ханы и малики/, джирга, мусульманские богословы/, исследованы возможности взаимодействия националистических движений пуштунов и белуджей в нынешней этно-социальной и военно-политической обстановке в регионе.

В настоящее время можно выделить три социально-политических типа родо-племенной организации пуштунов, для которых характерны различные уровни и формы взаимоотношений с центральной властью:

- "кауми" - в наименьшей степени политизированная и в наибольшей мере эгалитаристская, антигосударственно ориентированная организация пуштунских племен, в которой регулятивная роль джирги является определяющей для поведенческой ориентации социальной группы, а в целом принципы Пуштунвалай - способом самопроявления и жизнедеятельности каждого соплеменника;

- "рутбави" - иерархичная организация пуштунских племен, в которой роль джирги отходит на второй план по сравнению с ролью ханов и маликов, приобретающей наследственный статус и формирующейся в рамках определенного ханского рода /"хан-хель"/. Хань и малики узурпируют власть над племенем. Используя экономические и военные рычаги, они активно влияют на поведенческую ориентацию рядовых соплеменников как непосредственно, так и через своих представителей, выступающих от их имени. Верхушка племен этого типа представляла собой до 1978 года оптимальный объект для государственно ориентированного регулирования ситуации в племенах - как путем финансово-экономического стимулирования, так и привлечением к непосредственному участию в деятельности правительственной администрации в центре и на местах;

- "кучи-повинда" - организация кочевых пуштунских племен с высокой степенью эгалитарности структуры и относительно низким политическим статусом верхушки. В своем функционировании этот тип организации практически в равной степени индифферентен как к центральной власти, так и к объединениям оседлых племен: по обеим линиям связи основой взаимоотношений являются прагматические экономические интересы. Лишь в экстремальных обстоятельствах ущемление наиболее существенных из них приводит к политизации с окраской пуштунской племенной солидарности или под религиозными лозунгами.

Границы между каждым из выделенных типов социально-политической организации племен пуштунов жестко нефиксированы, подвижны: происходит перманентная трансформация, взаимопроникновение каждой из них в ходе общественного развития и под политико-экономическим влиянием центральной власти. Все три типа организации могут существовать в отдельно взятом племени и даже крупном клане.

В результате социально-экономического расслоения, связанного с развитием капиталистических отношений, образовался социальный слой, состоящий из "продуктов распада" племенной организации пуштунов, детрибализированных ее отпрысков, которые утратив свои непосредственные связи с последней попали под прямое влияние центральной власти, будучи при этом лишены самостоятельного от нее обеспечения своих позиций и возможности политического самовыражения в рамках государственной структуры. Рост государственно ориентированного социально-политического самосознания этой категории пуштунов привел, в конечном итоге, к выработке ими соответствующих идеологических установок и созданию политических партий. Несмотря на разрыв с племенной организацией, вся политическая деятельность детрибализированных пуштунов несет на себе глубокий отпечаток неизжитого влияния традиционных идеологических, нормативно-регулятивных и моральных принципов, присущих этой организации, - вне зависимости от ориентации партийных программ - будь-то фундаменталистская или революционно-демократическая по содержанию и целям деятельности. В социально-политическом самовыражении детрибализированных пуштунов наглядно обнаруживается проявление синтетического сочетания традиционных и современных структур, характерного для афганского общества в целом.

В заключении подводятся итоги исследования, сформулированы основные выводы, позволяющие осуществлять прогнозирование поведенческой ориентации пуштунской племенной организации в отношении центральной власти.

1. Оппозиция пуштунских племен правительству ДРА вызывается, в первую очередь, ущемлением их исторически сложившихся традиционных прав и привилегий, в особенности - территориальности и определенной автономности, которые предполагают, а не исключают лояльность племен по отношению к центральной власти. И хотя их политизация и военная мобилизация произошла под исламскими лозунгами, именно этим, а не действием исламского фактора /хотя и имеющим определенное значение/ объясняется переход пуштунских племен на позиции контрреволюции. Учитывая территориальность и автономность пуштунских племен можно избежать и гальванизации исламского фактора. Советскому ограниченному контингенту войск в ДРА следует особенно учитывать данное соображение, поскольку его вступление в соприкосновение с родо-племенной организацией содействует, помимо прочего, активизации действия национально-освободительных традиций, в весьма высокой степени присущих пуштунским племенам.

2. Экстремистские идеи фундаменталистской контрреволюции находятся в противоречии с устремлениями пуштунских племен вследствие различного отношения к государственности. Государство является антиподом племенной организации, тем более - государство теократическое, поскольку в пуштунской системе племенного управления главенствуют светские лидеры, а не муллы. Пуштунские племена, таким образом, не следует рассматривать как социальную базу для реализации агрессивной антисоветской доктрины "исламской революции". Племена ориентированы на участие в джихаде - священной войне за веру - преимущественно в оборонительных целях, а также для грабежа.

3. Верхушка пуштунских племен в силу двойственности своего положения как посредников в отношениях между племенем и центральной властью органически не интегрирована в госаппарат, и поэтому дилемма приобретения государственного поста или сохранение позиций в племени для большинства ее представителей будет решаться в пользу последнего. Включение ханов и маликов в органы центральной власти не приводит поэтому к их автоматическому активному участию в государственных делах, а обеспечив

лояльность подвластных им племен правительству ДРА, будет сведено к вполне приемлемой корректировке с их стороны государственной политики в интересах племен. Необходимо, таким образом, активизировать посреднические функции вождей, отказаться от прямого давления на них, избегать волонтаристского вмешательства в функционирование племенной организации, поскольку ее лояльность в настоящее время может быть обеспечена ее неприкосновенностью.

4. Особую значимость оказания выгодного нам влияния на племена создает стратегическая важность районов их традиционного расселения - вдоль границ Афганистана с Пакистаном и Ираном. Функции охраны границ Афганистана у пуштунских племен сложились исторически и превратились в составную часть их самосознания. С точки зрения необходимости перекрытия каналов иностранного вмешательства в дела ДРА со стороны Пакистана и Ирана значение этих функций трудно переоценить. Существующий же механизм воздействия центральной власти на пуштунские племена - также исторически сложившийся и ставший традицией - обеспечение их деятельности по охране границ посредством финансирования /довольно скромного/ при уважении их территориальности позволяет достаточно уверенно говорить о перспективности его использования в настоящее время.

5. Самое серьезное внимание следует обратить на процессы, толчком для возникновения которых явилась активизация военно-политической деятельности пуштунских племен в Пакистане. При этом нужно учитывать, что между пуштунами и белуджами существуют как взаимные связи, коренящиеся в историческом опыте совместной национально-освободительной борьбы против британских колонизаторов, так и реальные противоречия, используемые пакистанскими властями. Националистические, сепаратистские настроения весьма сильны у части белуджей. Белуджские лидеры в эмиграции неоднократно заявляли о возможности начала ими вооруженных действий в случае антипакистанского выступления пуштунских племен. Необходимо, однако, учитывать, что такое выступление может сыграть роль "бикфордова шнура", который, воспламенившись, приведет к эскалации напряженности, возможному втягиванию СССР в ситуацию с непредсказуемыми последствиями и вероятной прямой конфронтации с США.

Принимая это во внимание, необходимо с крайней осторожно-

стью оценивать деятельность афганского руководства, направленную на гальванизацию пуштунского национализма в Пакистане, не допускать, чтобы мотивы активизации функций пуштунских племен как охранителей границ Афганистана стали для правительства ДРА удобным предлогом для разжигания сепаратистских настроений у пуштунов и белуджей Пакистана как авантюристического пути урегулирования афганской проблемы.

6. Представляется необходимым с осмотрительностью использовать один из компонентов пуштунской племенной организации - джиргу для организации структуры власти на местах. Джирга может стать достаточно эффективным механизмом власти в районах с преимущественно пуштунским населением. Для представителей большинства национальных меньшинств Афганистана джирга является чуждой формой социально-политической организации, и насаждение ее может быть расценено /например, таджиками, узбеками, хазарейцами и др./ как прямое ущемление их национальных традиций и прав. Афганскому руководству при организации власти на местах следует избегать перегибов, связанных с проявлением пуштунского национализма при использовании механизма джирги.

7. Анализ практики и опыта осуществления государственной деятельности халькистского образца приводит к неизбежным выводам о ее несостоятельности с точки зрения осуществления программы социально-политической модернизации афганского общества на национально-демократических началах и - что важно с точки зрения настоящего исследования - о бесперспективности, а нередко и опасности такого рода деятельности в контексте установления оптимальных взаимовыгодных отношений центральной власти Афганистана с племенной организацией пуштунов. Афганскому правительству необходимо с большой осмотрительностью учитывать и преодолевать своеобразное влияние племенной пуштунской организации на детрибализированные полутрадиционные слои пуштунского происхождения - особенно, в составе НДПА, - ибо, по нашему мнению, халькизм как социально-политическое явление можно в определенном смысле рассматривать в качестве следствия политизации пуштунских национальных традиций под левацкими лозунгами, традиций, которые /оставаясь органическим для племенной структуры пуштунов регулятором социального функционирования/, будучи возведенными в ранг ком-

понента государственной политики, приводят к извращению программы национально-демократических преобразований в стране со столь разнообразным национальным и социальным составом населения, как Афганистан.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Влияние пуштунских племен на внутривосточную обстановку в Афганистане и Пакистане. - В периодическом научном издании в/ч 64510.- М., 1986 /0,5 а.л./.

2. Политика правительства ДРА в отношении пуштунских племен и ее значение для урегулирования положения в Афганистане и вокруг него. - В периодическом научном издании в/ч 64510.- М., 1986 /0,5 а.л./.

3. Особенности социально-политической организации пуштунских племен и тактика центральной власти по отношению к ним.- В периодическом научном издании в/ч 64510.- М., 1987 /0,5 а.л./.

4. Статья в специальном сборнике по страноведческим проблемам в/ч 33965. -Специальный фонд в/ч 33965, выпуск VIII, т. I.- М., 1987 / I а.л./.

5. Социально-нормативная организация пуштунских племен Афганистана. - В сб.: Четвертая всесоюзная школа молодых востоковедов ИВ АН СССР, т. IV /Новейшая политическая история. Идеология/. - М., 1986 /0,25 а.л./.

6. Соотношение этнических и религиозных традиций в социально-политической организации пуштунских племен.- В сб.: Всесоюзная школа молодых востоковедов ИВ АН СССР. - М., /в печати/ - /0,5 а.л./.

7. Социальная организация пуштунских племен. - В кн.: Афганистан: история, экономика, культура. Отв. ред. Ю.В. Ганковский. -М.: Наука / в печати /-/I,5 а.л./.

Иванов

Подписано к печати 17.06.87
Объем 1 п.л. Печать офсетная
Тираж 50 экз. Зак.22

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1
3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28